

Д.А. Огнев

СОВЕТСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА И ИДЕОЛОГИЯ: ПОСТСОВЕТСКАЯ ПЕРЦЕПЦИЯ

Рассматриваются проблема перцепции постсоветскими историками советской историографии, авторефлексия исторической науки в условиях социально-экономических трансформаций. Показано противоречие, вызванное переоценкой ценностей в исторической науке и восприятием советской историографии как идеологизированной и ограниченной рамками марксистско-ленинской методологии. Предложена попытка преодоления этого противоречия через переосмысление самого места идеологии в историческом исследовании.

Ключевые слова: историческая наука; научная рефлексия; перцепция; идеология; политизация.

Распад советской политической системы и, что более важно, советской картины мира существенным образом повлиял на историческую науку. Историческая наука в СССР воспринималась как «служанка» идеологии – как писал В.А. Бердинских, «именно в XX в. общественный имидж истории как служанки идеологии, увы, упрочился в советском обществе» [1. С. 16]. Упрочился он и среди самих историков. Слово «имидж» в данном контексте представляется очень точным, поскольку означает не столько реальное положение вещей, сколько распространенное представление о статусе исторической науки, сказавшееся на ее восприятии самими историками. Рассмотрим далее перцепцию советской историографии в постсоветский период на примере текстов авторефератов кандидатских и докторских диссертаций томских историков после 1991 г. Отметим, что, употребляя слово «постсоветский» применительно к историкам и исторической науке, мы делаем это безотносительно хронологии. Постсоветские историки, особенно в начале 1990-х гг., – все те же историки, оказавшиеся в новом социально-политическом контексте, в котором были вынуждены сравнивать и противопоставлять себя советским.

Преобразования российского общества в начале 1990-х гг. поставили вопрос о преемственности в отношениях советской и постсоветской науки. Обще-ственно-политические трансформации, связанные с форсированной демократизацией, вызвали необходимость переоценки ряда явлений, что создавало ситуацию внутреннего противоречия в самой исторической науке. Так, в отношении религии эта переоценка привела к появлению образа «белого пятна», используемого в одинаковом контексте М.Л. Белоглазовым и Т.Н. Коголь: «Проблемы становления и развития государственно-церковных отношений в России после 1917 г., проблемы взаимоотношений различных религиозных и церковных организаций с органами государственной власти являются на сегодняшний день одним из многочисленных “белых пятен” в истории Советского государства» [2. С. 3]; «На сегодняшний момент проблема церковно-государственных отношений в 20-е гг. продолжает оставаться тем “белым пятном” в отечественной истории, где больше всего умолчаний, тенденциозности и искажений» [3. С. 3].

Выводы советской исторической науки по ряду научных проблем признавались, по сути, ошибочны-

ми, а применявшиеся подходы – непродуктивными, *научная* ценность работ, вышедших в советское время, постсоветскими историками часто осторожно нивелировалась или вовсе отрицалась. Одной из таких «болевых точек» советской историографии неизбежно стала политическая власть. Так, у О.А. Смолкина читаем: «Большую часть исследований проблем власти, изданных в 1953–1964 гг., только с большим допущением можно признать в качестве научных трудов. В большинстве своем эти работы носят ознакомительный характер и, с точки зрения историографии, вряд ли способствуют выработке целостной концепции по проблеме» [4. С. 4]. Исследователь указывает на тенденциозность работ, изданных во второй половине 1960-х гг.: «Безусловно, оценки, даваемые авторами, не выходили за рамки той системы координат, в которой создавались работы». Отмечает он и такое свойство научной литературы, как «обезличенность», проявляющаяся в преобладании фактического материала и сведении к минимуму авторского «Я», что, по его замечанию, «меньше всего являлось виной ученых-исследователей», которые «стремились скрыть, завуалировать собственные взгляды». Но далее исследователь категорично утверждает: «Однако это оправдание не делает публикации 70–80-х гг. более привлекательными с научной и историографической точек зрения» [Там же].

Тесные идеологические рамки воспринимаются как константа в советских исторических исследованиях и 1990-х, и 2000-х гг. У А.В. Куренкова находим: «Однако в течение нескольких десятилетий исследование советского и партийного аппарата характеризовалось заметным консерватизмом, который во многом был обусловлен жестким идеологическим давлением на историческую науку» [5. С. 5]; «Унифицированная методология ориентировала авторов на использование сугубо марксистского подхода к исследованию различных аспектов поставленной темы» [Там же. С. 7]. Контроль партийно-государственных органов над исторической наукой исследователь определяет как «всеобъемлющий». Беспросветными показаны 1930–1950-е гг., лейтмотивом в описании работ этого периода, посвященных политической истории, является указание на их обобщающий и поверхностный характер, схематичность, фрагментарность, повторение в них теоретических положений марксистско-ленинской концепции истории и минимум новизны.

Мы видим, что советская историческая наука в разные периоды предстает в постсоветском научном сознании если не как «служанка», то как «жертва» идеологии.

Схожим образом оцениваются работы, посвященные другим проблемам, например национальной политике. И.В. Нам пишет: «Деятельность национальных организаций, партий и движений рассматривалась исключительно с позиций пролетарского интернационализма» [6. С. 7]. Важным представляется примечание И.В. Нам по поводу этой характеристики: «Эти недостатки были присущи и нашим публикациям 1980-х гг.» [Там же]. Оно интересно не только как проявление честности ученого, но и как иллюстрация того, что противоречие в исторической науке, вызванное сменой социально-политического контекста, стало предпосылкой для переоценки и переосмысления историками не только работ предшественников, но и своих собственных.

О.А. Харусь следующим образом характеризует «переоценку ценностей» в исторической науке: «В связи с изменением общественно-политической ситуации начался пересмотр идеологических ориентиров в отечественной исторической науке. Осознание ограниченности возможностей объективного познания прошлого и настоящего в рамках, заданных какой бы то ни было политической доктриной, а также априорными идеологизированными социологическими теориями, повлекло за собой процесс разносторонней модернизации теоретико-методологического аппарата отечественной историографии. Однако этот позитивный в своей основе процесс породил и определенные сложности в изучении исторической эмпирии» [7. С. 6]. Эти сложности стали проявлением того, что О.А. Харусь назвала «инверсионной логикой мышления», когда реакцией на устойчивые положения советской историографии стало их полное, доходящее до логического завершения отрицание.

Итак, в восприятии самих историков история в советский период была «служанкой идеологии» – в той мере, в какой наличествовала идеология как взаимосвязь теории и действия, «не одно только замкнутое, тотальное воззрение на мир и человека, но и адекватная, тотальная деятельность, “философия”, которая в конечном счете изменяет мир» [8]. Тем самым идеология, по выражению Милована Джиласа, «писала историю». Либеральная демократия не располагала аппаратом принуждения, какой был у марксизма-ленинизма, однако продолжала «писать историю», диктуя ученым новые идеологические установки, заставлявшие их критически подходить к работам предшественников. Исторические исследования 1990-х гг. столь же проникнуты идеями либеральной демократии, сколько советские – марксизма-ленинизма. Показательно замечание Б.Н. Миронова: «Эти недостатки (идеологизация и политизация исторической науки. – Д.О.) характерны для исследователей независимо от их теоретических воззрений, хотя и в разной степени, которая зависит больше от уровня профессионализма, чем от идеологии, ими разделяе-

мой. Не избежали их и современные отечественные историки. Историческая наука, руководствующаяся исключительно требованиями точности, истины, стерильности по отношению к идеологиям, страстям, вкусам, научной моде, господствующим парадигмам, – идеал, а не реальность и практика» [9. С. 22]. В то же время не все историки оказались склонны к размежеванию с советской наукой. Наряду с отрицанием советского прошлого существовала и другая тенденция – «отрицания отрицания», которая нашла выражение, в частности, у В.П. Зиновьева. Исследователь указывает на опасность «нового исправления» истории, также чуждого истине, как и концепция «Краткого курса истории ВКП(б)» [10. С. 3].

Едва ли можно объяснить это тем, что историческая наука привыкла быть идеологизированной и что история «ищет» себе идеологию. Отпечаток идеологии для советской исторической науки не был чем-то неорганичным. Историческая наука развивается подобно своему предмету – каждый новый этап строится на отрицании предыдущего, который переосмысливается в последующем, и потому она не является ни служанкой, ни жертвой идеологии, выступающей одним из структурообразующих элементов исторического исследования в силу необходимости для него принадлежать определенной традиции и парадигме. Социально-политический контекст формирует исследовательскую «повестку дня», однако справедливо и обратное: не только идеология контролирует историю, но история предшествует и предугадывает идеологию. Будучи частью реальности, идеология становится и частью описываемого ее исследования, что, тем не менее, не следует воспринимать как его недостаток.

Реальные коллизии между исторической наукой и идеологией были намного более сложными и не сводились к максиме «история – служанка идеологии». Б.Г. Могильницкий об этом писал: «Они (преподаватели историко-филологического факультета ТГУ. – Д.О.) являлись убежденными защитниками советской общественно-политической системы и ее идеологических ценностей, что, разумеется, выражалось в их образе мыслей и политическом поведении. Вместе с тем они не были бездушными “винтиками”, бездумно проводившими партийную “линию” [11. С. 218]. Нельзя отрицать сам факт воздействия в СССР идеологии на науку и пагубных последствий этого воздействия, и все же тотальная идеологизация советской исторической науки сегодня видится своего рода культурным мифом, порожденным советской эпохой и воспринятым эпохой последующей. Однако для исторической науки этот культурный миф имел огромное методологическое значение. Отталкиваясь от опыта предшественников, постсоветские историки стремились к объективности, отказывались от нарочитой политизации исследований, старались восполнить пробелы, образовавшиеся вследствие идеологического вакуума, что стало существенным стимулом для развития науки в переходный период.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердинских В.А. Ремесло историка в России. М. : Новое литературное обозрение, 2009.
2. Белоглазов М.Л. Взаимоотношения органов государственной власти и православной церкви на Алтае (октябрь 1917–1925 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1992.
3. Коголь Т.Н. Русская Православная церковь и государство 1917–1927 гг. (на материалах Западной Сибири) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1996.
4. Смолкин О.А. Реформирование местных органов власти и управления в 1953–1964 гг.: На материалах Кемеровской, Новосибирской и Томской областей : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1997.
5. Куренков А.В. Органы власти и управления в Томской губернии (конец 1919–1925 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2013.
6. Нам И.В. Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока в условиях революции и гражданской войны: 1917–1922 гг. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2008.
7. Харусь О.А. Либерализм в Сибири начала XX века : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 1998.
8. Джилас М. Идеология пишет историю. URL: <http://magazines.russ.ru/continent/2012/151/d34.html> (дата обращения: 23.01.2018).
9. Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну : в 3 т. СПб. : ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2014. Т. 1.
10. Зиновьев В.П. Рабочее движение в Сибири в мануфактурный период : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 1992.
11. Историческому образованию в Сибири 90 лет: исторический факультет Томского государственного университета в воспоминаниях и документах / сост. Д.В. Хаминов, С.А. Некрылов. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2008.

Статья представлена научной редакцией «История» 18 марта 2018 г.

Soviet Historical Science and Ideology: Post-Soviet Perception

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 439, 165–167.

DOI: 10.17223/15617793/439/22

Daniil A. Ognev, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: danielognev@yandex.ru

Keywords: historical science; scientific reflection; perception; ideology; politicization.

The article discusses the perception of Soviet historiography in the post-Soviet period. Transformations of Russian society in the early 1990s raised the question of continuity in the relations of Soviet and post-Soviet science. The socio-political transformations associated with forced democratization caused the need to reassess a number of phenomena, which created a situation of internal contradiction in historical science. The conclusions of Soviet historical science on a number of scientific problems were, in fact, declared false, and its approaches unproductive, the scientific value of works published in the Soviet period was often carefully leveled or denied entirely by post-Soviet historians. A closed ideological framework is perceived as a constant in Soviet historical research. Control of party-state bodies over historical science is defined as “pervasive”. The leitmotif in the description of works devoted to political history is an indication of their generalizing and superficial nature, schematism, fragmentation, repetition of theoretical positions of the Marxist-Leninist concept of history, and minimal novelty. The result of the “reappraisal of values” in historical science was an entire denial of positions of Soviet historiography. In the perception of historians themselves, history in the Soviet period was a “servant of an ideology”. Liberal democracy did not have an apparatus of coercion like Marxism-Leninism had, but it continued to “write history” dictating new ideological guidelines to scholars, which made them critically approach the work of their predecessors. This can hardly be explained by the assumption that historical science got used to be ideologized and that history “seeks” an ideology for itself. Being part of reality, ideology also becomes part of research describing it, which should not be perceived as its flaw. The very fact that ideology had an impact on science in the USSR and the harmful consequences of this impact cannot be denied, but the total ideologization of Soviet historical science today is seen as a cultural myth generated by the Soviet epoch and perceived by the next one. However, this cultural myth had a great methodological importance for historical science. Using the experience of predecessors, post-Soviet historians aspired to objectivity, refused to obviously politicize research, tried to fill the gaps that formed as a result of the ideological vacuum, which became a significant stimulus for the development of science in the transition period.

REFERENCES

1. Berdinskikh, V.A. (2009) *Remeslo istorika v Rossii* [Craft of a historian in Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
2. Beloglazov, M.L. (1992) *Vzaimootnosheniya organov gosudarstvennoy vlasti i pravoslavnoy tserkvi na Altae (oktyabr' 1917–1925 gg.)* [Relations between state authorities and the Orthodox Church in Altai (October 1917–1925)]. Abstract of History Cand. Diss. Tomsk.
3. Kogol', T.N. (1996) *Russkaya Pravoslavnaya tserkov' i gosudarstvo 1917–1927 gg. (na materialakh Zapadnoy Sibiri)* [Russian Orthodox Church and State, 1917–1927 (on materials of Western Siberia)]. Abstract of History Cand. Diss. Tomsk.
4. Smolkin, O.A. (1997) *Reformirovanie mestnykh organov vlasti i upravleniya v 1953–1964 gg.: Na materialakh Kemerovskoy, Novosibirskoy i Tomskoy oblastey* [Reforming local governments and administrations in 1953–1964: Based on materials from Kemerovo, Novosibirsk and Tomsk oblasts]. Abstract of History Cand. Diss. Tomsk.
5. Kurenkov, A.V. (2013) *Organy vlasti i upravleniya v Tomskoy gubernii (konets 1919–1925 gg.)* [Authorities and administration in Tomsk Province (late 1919–1925)]. Abstract of History Cand. Diss. Tomsk.
6. Nam, I.V. (2008) *Natsional'nye men'shinstva Sibiri i Dal'nego Vostoka v usloviyakh revolyutsii i grazhdanskoj vojny: 1917–1922 gg.* [National minorities of Siberia and the Far East in terms of revolution and civil war: 1917–1922]. Abstract of History Dr. Diss. Tomsk.
7. Kharus', O.A. (1998) *Liberalizm v Sibiri nachala XX veka* [Liberalism in Siberia at the beginning of the 20th century]. Abstract of History Dr. Diss. Tomsk.
8. Dilas, M. (2012) *Ideologiya pishet istoriyu* [Ideology writes history]. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/continent/2012/151/d34.html>. (Accessed: 23.01.2018).
9. Mironov, B.N. (2014) *Rossiyskaya imperiya: ot traditsii k modernu: v 3 t.* [The Russian Empire: from tradition to modernity: in 3 vols]. Vol. 1. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
10. Zinov'ev, V.P. (1992) *Rabochee dvizhenie v Sibiri v manufakturnyy period* [Labor movement in Siberia in the manufacturing period]. Abstract of History Dr. Diss. Tomsk.
11. Khaminov, D.V. & Nekrylov, S.A. (2008) *Istoricheskomu obrazovaniyu v Sibiri 90 let: istoricheskiy fakul'tet Tomskogo gosudarstvennogo universiteta v vospominaniyakh i dokumentakh* [Historical education in Siberia is 90: the Faculty of History of Tomsk State University in memoirs and documents]. Tomsk: Tomsk State University.

Received: 18 March 2018